

*Башню в пустоте возвел я
Из неисполнимых снов...*

Луис де Гонгора

Я жив, я мертв, я у страстей во власти.

Джордано Бруно

*И даже ошибки случаются, путешествуешь, например, И
не знаешь, что ты уже на другой стороне.*

Чеслав Милош

С этой надеждой бужу я родник вдохновенья.

Николай Гусовский. Песнь о зубре

О нимфы пермские, о гордые княгини...

Пауль Флеминг

*— Да ты, пожалуй, боярин, и поляков называешь добрыми
людьми.*

М. Загоскин. Русские в 1612 году

*— А особливо мне очень хочется посмотреть эту чудесную
башню Веселуху, — прибавил Блюм.*

Ф. А. фон Эттингер. Башня Веселуха

Часть первая¹

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

«Я, Павел Косточкин, могу стать вашим свадебным фотографом, а также запечатлеть лучшие мгновения вашей жизни. Мой многолетний профессиональный опыт — гарантия качества, переплавляемого в ваши эмоции. Здесь вы можете просмотреть мои работы и при желании заказать:

- а) креативную свадебную фотосъемку;
- б) замечательную портретную историю;
- в) интересный живой репортаж;
- г) лав-стори фотосессию

При желании ваши фотографии могут превратиться в книгу, слайд-шоу, фотографию в раме и на холсте (натуральный лен).

В стоимость входит коррекция отснятого материала, детальная ретушь лучших фотографий. Оформленный DVD диск.

Стоимость: 3000 рублей в час.

Бонус: пять фотографий А4».

На это объявление однажды вечером и последовал звонок.

Паша пил пиво и смотрел закачанный фильм «Cocksucker Blues» о команде Мика Джаггера, фильм, вышедший еще в 1972 году, но запрещенный самими роллингами, застеснявшимися... Там был полный угар, во время турне по Штатам. И вот они устыдились и показали всем и режиссеру фигу. Но, как говорится, все тайное рано или поздно вылезет наружу. Фильм и выскочил в сеть, оказался в ней, как диковинная рыба... Роллинги и вправду похожи на каких-то океанских окуней с костистыми пастями. Заокеанских окуней. В семьдесят втором они были немного упитаннее, но и более колючие, посылали подальше всех подряд.

Паша не то чтобы любил их музыку, хотя некоторые вещи и вправду были хороши, блюзы, да и пресловутое «Удовлетворение» с какой-то отчаянной агрессией, но вот его родители от роллингов, как говорится, тащились, и сынок попросту впитал с молоком мамы этот рок-н-ролл. Хотя сейчас его больше интересовал автор фильма, Роберт Франк, всем известный фотограф из Штатов, прославившийся главным образом тем, что, как наш Прокудин-Горский, получил грант и проехал всю Америку, отсняв почти

тридцать тысяч фото, из которых восемьдесят три и вошли в книгу. Да, о Прокудине-Горском: грант царя Николая Второго состоял главным образом в том, что фотографу было разрешено посещать различные места империи, в те времена фотографирование было занятием подозрительным. Хотя и вагон специальный ему выделили, маленький пароход, моторную лодку и автомобиль «Форд». И все-таки денежки мэтр тратил свои. Да вот такой книги, как Роберт Франк, не выпустил: «Русские»...

Спонтанные снимки Роберта Франка Паше нравились, в том числе и за «бессмысленный блюр, зерно, грязные экспозиции, пьяные горизонты и общую неуклюжесть», как писали критики тех времен. В них есть что-то от дзен. Пьяный блюз! Мгновенный бросок взгляда, да, глаза, как стрелы, молнии — впиваются, еще непонятно во что и зачем, и чуть позже происходит вспышка смысла, но часто такого смысла, который трудно высказать, перевести в слова. Говорят, его книга «Американцы» не всем понятна и сейчас. А это же хорошо, в этом залог живучести. Понятное перестает волновать.

То, что Керуак написал предисловие, вполне объяснимо, эти фотографии можно было бы взять иллюстрациями для его книги «На дороге». И даже иллюстрация для обложки готова: та фотография, где запечатлена белая полоса, уходящая по дороге в прореху пространства между домами. Правда, Косточкин так и не читал этот роман, о нем кто-то рассказывал, то ли Королек, то ли Вася Фуджи. Наверное, Вася, автостопщик.

А девочка, убегающая по улице, на которой стоит катафалк с открытой задней дверью? Одна эта фотография стоит целого рассказа.

Паше хотелось бы снять что-то в этом роде: убегающую невесту. Иногда лимузин, разукрашенный цветами, напоминает как раз катафалк. Ну по крайней мере однажды у него возникла именно такая ассоциация. Это была свадьба в Подмосковье, в Можайске. Жених — явный бандит с потухшими, какими-то мертвыми уже глазами. А невеста — хрупкая, живая, зеленоглазая девочка. Поначалу Паша онемел, увидев ее, вылитая старшеклассница, может здесь был какой-то подлог, неужели ей исполнилось восемнадцать? Девушка вся светилась, а Паше не хотелось бы, чтобы она шла под венец с этим быком, как та девица из девятнадцатого века, персонаж картины «Неравный брак», — как звали автора-то, художника? Нет, ей все было в кайф. Да уж,

в воздухе стоял запах бешеных денег. После свадьбы они летели в Турцию или в Египет, жених предлагал фотографу сопровождать их, но Паша сослался на график и посоветовал нанять другого. Мертвые карие глаза жениха угнетающе действовали. Кто знает, вернешься ли из путешествия с таким-то *мертвецом!* Паша любил жизнь и ни разу не пробовал ее закончить каким-нибудь таким способом, ну как Саня Муссолини, нажравшийся грибов и провалившийся под воду какого-то деревенского пруда, — он просто возомнил, что теперь может ходить по воде. Вода не выдержала.

Неизвестно, жив ли тот подмосковный бык и что стало с его зеленоглазой девочкой. Нет, будь Паша романистом типа Стива Кинга, он бы, естественно, поехал с ними. Это же классный материал, готовый фильм... то есть роман. Зеленоглазая девочка могла и влюбиться в него, свадебного фотографа.

Чем бы это обернулось?

Роберт Франк удивился бы: вон какие параллели разворачиваются в далекой России. Старик, знавший Керуака и прочих звезд прошлого века, жив и поныне, ему девяносто. И ему можно написать письмо! Прямо сейчас, из России.

Неужели?

Впрочем, живы и его герои, вот роллинги, — и еще какие живчики! Собирают стадионы, рубят свое «Удовлетворение». Когда в девяностых они прилетели в Москву, родители, конечно, поперлись на концерт, «Мосты в Вавилон», захватили и Пашку, тогда еще подростка. Он замерз, было холодно, над стадионом ползли тучи, ветер гнал ворон, разогреть публику пытались настоящие камикадзе — «Сплин», тогда еще не очень известные. Народ откупоривал пивные банки-бутылки и отмахивался от Васильева, но тот упорно пел, что выхода нет...

И тут через его песни наконец-то вывалились магические старикашки, «Лужники» заревели Вавилоном. Зрелище было космическое и комическое, Джаггер, спроецированный на экран, снял туфлю с ноги черной певицы и пососал ее палец. Она блаженно улыбалась. Пашку затошнило. Родители хлопали в ладоши и смеялись. Пашка не совсем понимал, чему тут радоваться. Вообще в ту пору ему нравилась одна настоящая рок-группа: Егорушкина «Гражданская оборона». А эти роллинги — старые пердуны, странная смесь гламура и блюза. Вот если бы выпустили дикого Летова на разогрев в «Лужниках» — вот это было бы

да, взрыв мозга. Этот мост в Вавилон не выдержал бы, рухнул. *Каждый из вас беспонтовый пирожок.* Так Пашка потом друзьям и обрисовывал ситуацию: собрание беспонтовых пирожков. «А ты-то сам?» — попер Макс. «А я там был единственный *белый солдат*», — отвечал Пашка, вспоминая строчку из другой песни кумира. В общем, концерт он нес по кочкам, но на самом деле чувствовал, что была во всем том действе какая-то магическая сила, да. Возможно, тут сказывалось отношение родителей к роллингам. Все-таки они его заразили...

Ну а фильм Роберта Франка... — да, посреди фильма и раздался звонок.

— Алло? — Спокойный, пожалуй, и слегка унылый мужской голос. — Павел Косточкин, фотограф?

«Клиент».

— Я вас слушаю, — откликнулся Павел, останавливая фильм.

— Меня интересует свадебная съемка.

Павел покосился на толстый граненый стакан с пивом, дотронулся до него кончиками пальцев. Приятно, когда твою работу ценят.

На мониторе зависла картинка остановленного фильма, — в сущности, так и должна выглядеть работа фотографа — Роберта Франка. Сейчас это был момент перед выступлением, Джаггер в майке, с платком на шее, как с пионерским галстуком, поднял голову, сомкнув губы, и какой-то помощник, обрезанный на полголовы, начинал гримировать его, протирал ватой лоб, видны были только внимательное лицо этого гримера и его руки, а на переднем плане маячила голова еще какого-то деятеля, — кадр вполне в духе Франка.

Франку не приходилось заниматься свадебной съемкой. Что ж...

Он выслушал клиента и взялся за стакан, залпом осушил, щелкнул по «мышь» — и гример снова задвигал руками, а Джаггер — губами, с ним говорила та голова на переднем плане. Чем интересны фильмы, какие-то репортажи, истории, связанные со знаменитостями? Проблеском, иллюзией: вот и ты когда-нибудь сможешь.

Досмотрел фильм до конца. Короче, вы знаете, из какого... хм, хлама возникают... рождаются? появляются? происходят?.. стихи. Ну вот об этом весь фильм: гёрла с другом вгоняют иглу в вену, еще постоянно нюхают кокс, бухают, в самолете эрегированный член торчит, голые девицы скачут по салону, телевизор Кит с кем-то сбрасывают

с балкона гостиничного номера. Полное раздолбайство, но концерты продолжаютя до сих пор, и эти мумии живы, да еще заводят других — и не только таких же старичков. Обыкновенный парадокс. Черт его знает, как им это удастся.

А Летова нет.

Роберт Франк жив, но успеха «Американцев» так и не смог повторить.

И Павел Косточкин жив, жив в своей Москве, в комнате тетки (а две другие занимают чужие люди, справа — маленькая девушка Лиля, слева — Артур; когда тетка умерла, родственники ее мужа слетелись на поминальный пир — делить трехкомнатную квартиру, хотя до этого едва с ними знали, и квартира была продана, только одну комнату и удалось отстоять). Да, он ушел от родителей на третьем курсе. Правда, и учебу тогда же бросил, какой из него педагог, к черту, и угодил в армию, служил под Самарой радистом, а все это время комната с портретом Янки и Летова и «балалайкой» «Панасоник» пусто ждала его. Из армии Пашка вернулся новым человеком. Там он подружился с одержимым фотографом Русланом Владимировым, тот и переформатировал аморфного Пашку. Первые уроки фотомастерства он получил в казарме. Первыми моделями были сослуживцы с торчащими ушами и угреватыми носами, прапорщик Левинсон, усач с накачанными бицепсами и угольными глазами. Ну и сам Руслан, сержант, невысокий, синеглазый, нос с горбинкой. Руслан был классный специалист, знавший все жилки и косточки радиостанции, а еще — светопись. Он-то и ввел Пашку в курс дела. Это был Пашкин настоящий курс молодого бойца. Как его зацепило? Просто увидел фотографию машины-радиостанции в поле на учениях, мачту с растяжками, черно-белую. Можно было подумать, что это времена покорения Дикого Запада. Машина стояла, как фургон, из которого выпрягли лошадей... Почему-то такая ассоциация возникла. Странно: обычная машина, поле, вечер. Но выглядело все каким-то преображенным. Как будто иное время вторглось в осточертевшие будни. А в чем фокус? Никаких таких ухищрений, подделок, никакого монтажа. Все как есть. А — другое пространство, другое время, иной дух всего. Хотя и тот же самый, повседневный.

В общем, в этот зазор Пашка и попал. Застрял в нем. Владимиров с фанатизмом принялся обучать его, считая это своим «дембельским аккордом» — так называлось какое-нибудь дело, ремонт оборудования или строительство, покраска полов или что-то еще, значительная работа перед

увольнением, так сказать на память о себе. А Владимиров говорил Пашке, что он и есть его дембельский аккорд. Обучение продолжалось и после увольнения, дистанционное, в письмах. Руслан оставил ему свою старенькую камеру «Зенит 122», пленочную, с постоянно открывающейся задней крышкой, в затертом кожаном крепком футляре; на морозе пленку нельзя было перемотать; два первых и два последних кадра были с черной полосой, эту проблему Руслан устранил тем, что подклеил кусочек резины под катушку, но у Пашки она отлетела и процедура с подклейкой не получалась; еще у камеры чудил экспонометр, выдавал завышенные на два деления показания, так что полагаться надо было на интуицию, что у Руслана отлично выходило, у Пашки — хуже. Но все-таки фотоаппарат верно служил вместе с Пашкой и давал ему известную вольность, да, его все чаще просили не маршировать, как все, на плацу, например, а снимать марширующих или бегущих в противогазах солдат, старлей Сергеев увез его однажды в город фотографировать важное «мероприятие» — то, как он забирает из роддома красавицу жену с дочкой; через полгода Пашка фотографировал эту девочку, ползающую по ковру и забавляющуюся с лохматой собачкой, но, честно говоря, ему больше хотелось фотографировать зачаровывающие глаза офицерской жены, она с удовольствием позировала, — тогда он в полной мере распробовал вечный эротический вкус фотографии, точнее самого процесса фотографирования. Все женщины любят фотографироваться, и фотоаппарат создан для них. Если бы вовремя не влетел старлей Сергеев, кадыкастый, длиннорукий, как обезьяна, ефрейтор Косточкин потерял бы во время съемки... хм, невинность. Офицерская жена уже сомлела и вся была какая-то влажная, податливая, как сырая горячая глина, хотя Пашка до нее и не дотрагивался. И у самого него... уши пламенели... серебряные трубы пели...

Хотя какая, к черту, невинность в девятнадцать лет?

Косточкин ее потерял в тринадцать, пялясь на соседку утром в апреле. Она явно видела, что он наблюдает, и все выходила на балкон в коротеньком чем-то. Это была старшая сестра Макса, они жили наискосок этажом выше. И вот она развешивала какое-то белье, а скорее всего делала вид, строила из себя такую усердную прачку, забывшую впопыхах даже о нижнем белье. А к Пашке подступало что-то, то о чем он лишь догадывался, экстазы, как это называл Саня Муссолини, настоящий знаток и любитель классической

музыки, это в нем как-то уживалось, «Коловрат» и Скрябин, Вагнер, ну как герой «Заводного апельсина» Кубрика, только это не подражание, а наследственное, говорил сам Саня, у него и отец и мать трудились в концертном зале Чайковского, отец — электриком, мать — уборщицей туалетов. У Скрябина и есть «Поэма экстаза». Когда Пашка первый раз ее послушал, финал, он понял, в чем дело. Правда, поэма ему так и не понравилась. Но да, что-то похожее он испытывал тогда, прячась среди коробок и белья на балконе и подсматривая за сестрой Макса. Это приходило к нему тринадцать раз, «экстазы», по числу лет. Позже такое никогда не повторилось, только в первый раз, тогда, солнечным безумным утром с чириканьем воробьев, дребезгом трамваев, и ведь было прохладно, может даже чуть подморозило ночью, и казалось, что льдинки и звенят вокруг, в воздухе, но черноволосая и темнолицая какая-то, синеглазая и худоватая сестра Макса порхала себе почти без одежды, и на него тринадцать раз накатывало, пока все не завершилось *серебряными трубами*.

Дзынь! — звякнуло горлышко бутылки о край стакана.

На самом деле Павлу Косточкину ни к чему было смотреть этот фильм. О Роберте Франке из него он не так много узнал. Ничего нового. Движущаяся фотография — это не фотография, а кино. Вот и все.

Лучше бы уже запустили в сети кино о Летове. Его вдова сняла.

Хотя и Летов уже не волнует Косточкина. Русский рок испустил дух. Англосаксы рулят, и ничего здесь не поделаешь. И вот он даже ленится пойти в кинотеатр на этот фильм «Здорово и вечно». Будут там гоготать и блевать. Почему-то у летовцев это принято. Ну в пятнадцать лет это еще куда ни шло, а если тебе уже вон сколько...

А сейчас он вообще завел африканцев, суггестивных ребят из Сахары, Мали, «Пустынных», сиречь «Tinariwen».

Туареги точно лучше русских папуасов, получивших в руки гитары, рок-то, как ни крути, оттуда и прикатился.

Под духоподъемные завывания «Пустынных» он и принялся соображать о звонке. Клиент, представившийся Вадимом, хотел справлять свадьбу не в Москве или Черногории, Болгарии, а на родине невесты, в Смоленске. Клиент был дотошный и предлагал Косточкину отправиться на рекогносцировку в Смоленск, стоимость трехдневной командировки войдет в гонорар.

В Смоленск так в Смоленск. Он снимал похороны в Костроме, клиент очень хороший гонорар посулил, и Косточкин не отказался, деньги ему всегда были нужны на аппаратуру, Nikon Японский не дремлет и постоянно выпускает что-то новое, — это Руслан придумал так именовать известную корпорацию — будто какого-то святого или представителя церкви за рубежом.

Правду сказать, Косточкин предпочел бы — ну хотя бы Ригу или Вильнюс... Его знакомой фотографине Алисе вообще повезло поехать со свадьбой в Прагу. Еще одному парню удалось снимать «лав стори» в Берлине.

Ну, еще честнее сказать — ему вообще не хотелось снимать ни истории любви, ни тем паче свадьбы, а хотелось заниматься свободной фотографией, да куда денешься. Не Андреас Гурски, чай, с его почти пятиллионнодолларовым «Рейном-2»... Черт, черт, подумал Косточкин, пять миллионов? Зрители стебуются над этим шедевром из зеленой травы, свинцовой воды, свинцового неба. Там только это и есть: асфальтовая дорога, дорога воды, трава и небо. Ну на самом деле... Пашка потер переносицу, пригубил еще пива... Щелкнул «мышью», поискал «Рейн-2», вот он. Разглядывал.

В это время снова зазвучали позывные «The Verve» Эшкрофта, «Bitter Sweet Symphony», сиречь горько-сладкая симфония, и он взял мобильный телефон. Звонила Маринка.

— Привет.

— Привет.

— Что делаешь?

— А ты?

— Раздумываю.

— О чем?

— О «Рейне».

— Хочется в Берлин?

— Не отказался бы. Но — поеду в провинцию. Заказан.

— Мм... Куда?

— В Смоленск. Ты там бывала? Нет? Я тоже. Наверняка очередной рассыпающийся город. — Он засмеялся, выслушав ее уточняющий вопрос. — Нет, рассыпающийся. Поехали? Клиент дает три дня рекогносцировки. Осмотр местности.

Маринка в Смоленск не хотела.

И Косточкин поехал один.

ЧАСЫ НА УГЛУ

В поезде он слушал «The Verve», читал «Digital Photo», последний выпуск, иногда отрывался от страниц и смотрел в окно на пасмурные унылые серые пейзажи и снова утыкался в журнальные листы... Вдруг поймал себя на мысли, что это все почему-то напоминает «Рейн-2» Гурски. Тягучий голос Ричарда Эшкрофта, чем-то похожий на голос Мика Джаггера — одна полоса, цвета морской волны, наверное. Леса и поля — белесо-зеленоватая. И «Digital Photo» — третья полоса, черно-белая, с радужными всплесками. Всплесков у Гурски нет. Но и тоски нет. А что-то вроде покоя. «Вечного покоя», хм. Так, что ли? Левитан? Или Шишкин-Саврасов? Еще «Вечный зов», какая-то советская сага. Павел Косточкин подумал, что не видел этот фильм, но — не одобряет. Достаточно одного названия.

Поезд увозил его все дальше, напрямик в вечную тоску какую-то.

Хотел бы он чудесным образом оказаться на родине этого Эшкрофта, явно нестабильного парня, то собирающего, то распускающего свою группу. Английская лихорадка. Три раза группа начинала и заканчивала свою одиссею в морях музыкальных. Косточкин сразу их полюбил. А лихорадка только добавляет перцу. Так и хочется крикнуть Эшкрофту: хватит уже дергаться, сочиняйте музыку и пишите песни вместе! Он собрал новую группу, но это не то.

...Попасть в Лондон и сфотографировать мосты, скверы, двухэтажные автобусы, Темзу, Ливерпуль, корабли, уходящие в туман — в сторону Франции.

Но поезд подъезжал к Смоленску. В окно Косточкин видел какие-то облезлые февральские склоны, голые мокрые деревья, монструозные строения возле дороги и деревянные одноэтажные дома поодаль, а весь город тонул в сумерках и тумане, — чем тебе не Лондон, а? Эшкрофт исполнял как раз «A northern soul» — «Северную душу». Это, мол, *рассказ о Северной душе, которая хочет вернуться домой, о человеке, который возвращается по старому пути, повороты которого тебе не известны, Я хочу узнать, поймете ли вы меня, Человека, который родился в съемной комнате, Чья мать никогда не получала цветов, А отец его не одобрял?*

Чисто-резкие звуки голоса, музыки были прозрачны. Северная душа. Но поезд приезжал не на север, а на запад.

Это запад русского пространства, ага.

Ну и каков он, думал Косточкин, без особого, впрочем, интереса, вяло. Ведь примерно ясно было, что его ждет. Пассажиры весело собирались, натягивали куртки, шапки, громко говорили. Это были, кажется, студенты. Косточкин закрывал журнал, снимал с полки сумку с вещами, наушники не вытаскивал, продолжая слушать тот же альбом «Северная душа». В первых альбомах всех групп есть то, что уходит потом, никакое мастерство это не заменит. *Твое лицо такое бледное, Оно не видело света много дней, тогда, на холме...*

Пел Эшкрофт.

Ты не нашла другого места, чтобы сказать: «Небеса мои, Я рада быть здесь...»

Косточкин кисло ухмыльнулся, проходя вместе с остальными к тамбуру. Сквозь музыку он слышал голоса, какие-то реплики, междометия, замирающий стук колес, вздохи поезда. Это была, в конечном итоге, какая-то композиция. Ну да, горько-сладкая симфония в Смоленске. *Я никогда не изменюсь, Но я знаю, что-то есть, просто я не вижу, Я знаю, что-то есть, но я не вижу. Этот огонек между нами. Я знаю, он есть, но я его не вижу... My angel, my lover, my angel...*

Он поселился в номере гостиницы на седьмом этаже, окно выходило на ров, от этого седьмой этаж казался десятым или пятнадцатым. Но это он понял утром, выглянув в окно. А вечером Косточкин сидел в номере, смотрел телевизор, в том числе и местный канал. Как обычно в подобных городах, и здесь появилось чувство «времени вспять». Местные часы явно отставали, правда трудно было установить, на сколько. Даже в речи и лицах ведущих и журналистов это сказывалось. Лица как часы. Где же острие времени? Для Смоленска — в Питере, в Москве. Но для самих москвичей — где-то еще. Россия — большая деревня. Косточкин мгновенно это понял, впервые поехав за границу, приземлившись в Барселоне. Хотя вроде бы с Москвой у барселонских улиц и много общего, а — что-то отсутствует. И это не только в Барселоне чувствуется, но и в заштатных городах, в том же Толедо. В Толедо была отличная фотогеничная погода: штормовое небо, сполохи солнца. Бегай и снимай «Вид Толедо перед грозой». Он и бегал, оставив Маринку в каком-то ресторанчике. Ее всегда

утомляли эти фотосессии, да еще под дождем. Тут уж так: фотограф времени не замечает.

Настроение у Косточкина было под стать погоде — пасмурное, дурное. Свадьбы лучше справлять осенью. Так и поступали предки. Закрома полны, витамины бурлят в крови, можно отплясывать. А у клиента свадьба намечалась на восьмое марта. Его основательность раздражала: рекогносцировка с обязательным возвращением в Москву, чтобы впечатления отстоялись. Ведь на самом деле он мог бы заехать сюда просто за три дня до свадьбы, а так ездят туда-сюда... Но — барин платит и обещает привезти сюда с комфортом и ветерком. Сразу после рекогносцировки Косточкину предстоит встретиться с ним и его невестой, обсудить места съемки.

Ладно, лучше не раздражаться, а расслабиться. Может, это все даже интересно?

Он позавтракал в ресторане, съел омлет, сыр с булочкой, напился крепкого кофе. Завтрак был вполне сносный. Неподдалеку сидели женщина с дочкой, улыбались, переговариваясь, показывали крепкие белые зубы, сверкали глазами. Косточкин подумал, что мог бы снять двойной портрет, дочка отражалась в зрелой матери, мать — в девушке. Обнаженные они выглядели бы, наверное, не хуже. Косточкин на всякий случай слегка улыбнулся им, но они не обратили внимания, хотя заметили. Скорострельные мысли о сексе немного развлекли Косточкина.

Покончив с завтраком, он поднялся в номер, почистил зубы, причесал темно-русые, слегка волнистые волосы, глядя в забрызганное водой зеркало. Потеребил небольшой прыщик чуть ниже носа. Взял и скovyрнул. Появилась кровь. Пришлось прикладывать бумажную салфетку, смоченную в одеколоне. Внезапно это действие показалось ему странным, что-то мгновенное мелькнуло, какая-то догадка — сразу обо всем, но ухватить ее не сумел, скользнула ящеркой в трещину.

Болячка подсохла, и он надел полупальто, кепку, которая не нравилась Маринке, да, якобы делала его похожим на какого-то дурацкого почтальона из итальянского почему-то фильма. Рассовал по карманам: мобильный, плеер с наушниками, портмоне, купленный в Барселоне, карту-схему Смоленска, повесил на плечо «шарманку» — сумку «Lowergo» с фотоаппаратом и всякими причиндалами и вышел.

В лифте подумал, что *ящерка*-то похожа на предчувствие.

Но уже на улице об этом забыл. Шел, прицельно озираясь, по смеси песка и крупитчатого снега. Да, дворники отсюда уже сбежали в свои солнечные аулы. Если вообще заглядывали. Но люди шли, как будто ничего не замечая, лица деловитые. Одеты как и москвичи.

По дороге проносились автомобили, раздолбанные маршрутные такси, явная примета Азии. В цивилизованном мире от них быстро отказались. Правда, Косточкин в настоящей Азии, той, что за Уралом и в иных пределах, не бывал. Но читал об этом. В Азию Косточкина совсем не тянуло. Азия сама прибывала каждый день в Москву. И если бы Косточкина попросили сделать клип, например, на есенинскую песенку, ну ту, что исполняет «Монгол Шуудан», где про дремотную золотую Азию, опочившую на куполах, то он пригласил бы на съемку сразу дворников, показал бы, как вихрятся осенние листья под их метлами.

И еще снял бы соседа по квартире, Артура, татарского менеджера на конфетной фабрике, курящего свой чилим и жгущего потом сахар, чтобы убить запах табака, — из щелей его комнаты всегда тянет этим жженым сахаром. Не самый плохой запах. От двери Лили разит косметикой «Орифлейм», которую она распространяет не только днем, но и ночами, возвращаясь зачастую под утро с увлеченными ценителями.

Ладно — вот самый западный город России. Ключ, щит, ворота.

Косточкин перешел дорогу, видя за деревьями кирпичную стену с башнями, и подумал, что, в общем, это очередная причуда клиента — отправить его на рекогносцировку. Косточкин вяло возражал, а клиент так же вяло, но твердо повторял, что любит во всем основательный подход. И разве не он платит? За поездку на рекогносцировку в город его невесты.

Алисе как-то пришлось снимать свадьбу заядлых туристов — в лесу. Чего только не бывает. Свадьба под водой. В воздухе — в свободном падении.

А на самом деле — был бы свет, а уж что вокруг, не так важно. Главное — лица, цветы там, какое-нибудь зеркало. И свет, свет. Алиса в погоне за светом действует, не мудрствуя, просто высветляет снимки. И клиентам нравится, особенно невестам.

А у меня, подумал Косточкин, немного другое мировоззрение. Скорее сумрачное. И хочется снимать в таком

свинцовом духе Звягинцева. Свадьба в свинцовом свете? Это же оригинально.

У Звягинцева есть чувство пространства, как вкусно он показывает комнаты, дороги, склоны, иногда Косточкин ловил себя на мысли, что так бы и смотрел видовой фильм без сюжета. Хотя, наверное, это и надоело бы. Вот в «Елене» почему так все внушительно? Потому что всех ждет преступление. Это ожидание и наполняет смыслом внимательное движение камеры Кричмана. В его фильмах возникает ощущение... да, присутствия. Как будто нарочно дается это ощущение камеры, постороннего взгляда. Хотя обычно-то режиссеры добиваются растворения зрителя в происходящем. А у Звягинцева — чей-то взгляд. Сначала кажется, что это твой взгляд и есть. А потом вдруг становится понятно, что — какой-то иной.

Он приблизился к пруду перед крепостной стеной. Вода скрывалась под толстым слоем ноздреватого льда. Там-сям его пятнали какие-то кучки. Заметив прогуливающуюся неподалеку хозяйку с пего-белым боксером на поводке, Косточкин сообразил, что это такое. Хозяйка в красной куртке, перейдя по мосту через пруд, принялась вдруг проделывать у башни различные упражнения. Женщина энергично приседала, взмахивала руками, ногой, потом другой, а рядом сидел, высунув розовый язык, пес с вислыми ушами. Косточкин инстинктивно вынул камеру, мгновенно навел объектив на спортсменку и пса и сделал несколько кадров, впрочем, уже понимая, что ничего особенного не получится. Сейчас трудно удивить кого-то. Вот если бы эта женщина была без штанов или на поводке у нее сидел голый мужик, какой-нибудь местный художник а-ля... Кулик? Кажется, так звали того художника, что ходил голым на поводке в Германии, срал на выставке... или срал уже другой? Кто-то из них точно срал. Подростковым авангардизмом грешил и Летов.

А пес вдруг наострил уши, точнее — глаза вытаращил в сторону молодого мужчины в черном полупальто и темно-синей кепке, как у почтальона из итальянского фильма, с сумкой на боку, хотя тот и был далеко. Вслед за ним забеспокоилась и женщина, начала оглядываться. Но Косточкин уже ловко спрятал камеру. Эту науку он освоил.

Кто-то из мэтров, Капа или Брессон, говорил, что если снимок недостаточен хорош, значит, ты побоялся подойти ближе. Ну сейчас, в эпоху телезумов, объективов,

пожирающих пространство, как баллистические ракеты, это звучит архаично. Лучше сказать, что ты был недостаточно ловок.

Иногда Косточкин чувствовал себя карманником.

За башней в туманную высь уходила мощная телевышка, и Косточкин тут же подумал, что снимки этих мэтров похожи на работы современных так же, как эта старая основательная башня на вышку. Он колебался, доставать ли снова камеру, чтобы запечатлеть эти две башни, можно было сделать вертикальный кадр. Но, в общем, банальное противопоставление нового и старого. И ни Роберта Капы, ни Картье-Брессона здесь не видно.

Косточкина охватила настоящая тоска, захотелось все тут же бросить и уехать в Москву, к жженому сахару татарского короля Артура. Но он только ссутулился, подобрал голову в плечи и пошел дальше. За стеной на высоких ледяных голых тополях граяли вороны, как в какой-нибудь сказке про древнерусского витязя, и Косточкин помыслил, увидев камень на склоне между оборвавшейся стеной и следующей башней: налево пойдешь — ничего не найдешь, направо — все потеряешь. И, внезапно приободрившись, пошел прямо через этот земляной вал. Благо и тропинка там была, даже асфальтированная. На камне было написано, что это историческое место.

Наверху его вновь заполонило чувство нелепости. «Ну и что здесь присматривать, а?» — даже проговорил он вслух. И эта фраза только добавила нелепости происходящему.

Но на самом деле ничего и не происходило. Приехал москвич... с фотографической миссией, как любят писать в заумных статьях о фотографических делах западные интеллектуалы, Зонтаг или Руйе. Миссия проста: глазеть. А в разговоре с клиентом и подружками именовать это занятие рекогносцировкой.

Можно было и не ездить. Посмотреть на «Ютубе» сюжеты, какие-то фотографии, да и ладно. И клиент ничего не заподозрил бы. И его желание исполнено, и деньги заработаны.

Тут Косточкин осознал в полной мере бессмысленность своего вояжа и прихоти клиента.

Ох-хо-хо. Он по-стариковски огляделся, щурясь. Возле башни был виден памятник. Какой-то полусидящий человек, местный герой. Или не местный. Почти в каждом городе даже сейчас можно обнаружить вселенского Ленина. Но на Ленина этот был не похож, даже издали Косточкин видел его

густую бронзовую шевелюру. Тут же мелькнула дурацкая мысль об Эшкрофте, Ленноне. Лучше бы они ставили памятники музыкантам. Эшкрофту рано, а Леннону в самый раз.

Косточкин был аполитичен.

Что дальше?

К памятнику он не стал спускаться, а перешел вал и оказался по ту сторону.

«Не реальности», — возразил он сам себе.

«А видимого пространства», — добавил он. И, ухмыляясь, продолжил свой познавательный путь.

...Что там было?

Все то же, в сущности. Косточкин как будто отчитывался перед друзьями и подружками в своем блоге, который он давно забросил, лень было вести, ждать каких-то откликов, да и самому лезть с комментариями к известным фотографиям. Во всем этом была какая-то симуляция. А может, и нет. Но что-то противилось в Косточкине этой практике. Какое-то бесконечное ток-шоу, то есть — бла-бла-бла. Всемирная говорильня. Оригинально в ней не участвовать. Хотя, надо признать, благодаря всему этому можно многое узнать. Среди говорунов попадаются настоящие мастера того или иного дела, фотографы, издатели. Время от времени он размещал там фотографии без подписей, и все. На отклики не реагировал. Если отклик был Алисин, то просто звонил ей, чтобы немного поболтать. Обнаженность соцсетей тоже кажется странной, как ни крути. Какой-то «Дом» Собчак. И вот кстати, наверное, сейчас бы Собчак вымарала начисто из своей истории «Дом», ей ведь хочется изо всех сил стать политически весомой журналисткой. А оппоненты чуть что — бьют под дых, они это любят, и ниже. Так что соцсети — действительно сети, ловушка.

Косточкин обнаружил еще один валун с табличкой и чуть не рассмеялся. Да здесь всюду судьбоносные перекрестки!

Уже пройдя дальше, в парк, он подумал, что вообще-то как раз эти камни и можно будет как-то обыграть в будущей фотосессии: у одного валуна пускай невеста гадает, куда ей идти, и по одну сторону будет виден какой-то мужик, а по другую — сам жених. Ну а возле другого камня будет уже раздумывать жених... На самом деле действительно странно все это бывает — выбор того или иного человека. Почему, например, мама влюбилась в папу? Ну да, оба туристы, поют там у костра одни и те же песенки, *как здорово, что все мы здесь сегодня собрались*, но мало ли в одной только

Москве этих туристов? Или их отношения с Мариной. Отношения, которые вот-вот должны чем-то разрешиться. Ну чем? Марине двадцать семь, и она хочет замуж, ее подруги или замужем, или разведены и мучаются в одиночку с киндер-сюрпризами. В основном — разведены. Но Марина верит, что у них с Косточкиным будет по-другому. Они поселятся в квартире ее бабушки напротив Белорусского вокзала, в старой крепкой сталинке, отец Марины, Георгий Максимович, сотрудник Газпрома, финансист, уже отделяет квартиру. Косточкин там бывал, и ему понравились огромные окна, вид на вокзал, хотя Маринка беспокоится насчет шума, но пластиковые окна, кондиционеры решат проблему, говорит отец. И намекает, что это вообще-то лишь начало, старт, а там видно будет, в Москве много пустующего жилья. А эту квартиру можно будет продать. Пожить немного — и продать. Ну короче, типа проверки.

Алиса просит пригласить ее на их свадьбу фотографом. Но Косточкин, пожалуй, сам попробует все снять, так сказать, изнутри. Интересный эксперимент. Для чего, недоумевает Алиса, ты же уйдешь фотографом в сферу ее папаши, нет? Георгий Максимович давно приглашает его, мол, свадебная фотография не очень серьезное дело. Но Косточкин отнекивается, не хочет до поры связывать себе... руки. Конечно, там будут другие деньги, а значит, и другие возможности, другие камеры. Все так.

Так что — не для своей ли свадьбы он высматривает натуру? Нет, подумал Косточкин, двигаясь уже по аллее старого парка, к чему забираться в эту провинцию. Провинция всюду одинакова. То же самое найдешь в пределах МКАД.

Старый ноздреватый снег под морщинистыми деревьями был загажен воронами. Правда сейчас, утром, воронье куда-то улетело. Но похоже, что здесь они любят тусоваться. Косточкин приблизился к памятнику, прочитал, что это памятник композитору, Михаилу Глинке. Вскоре включилась и запись, зазвучала усиленная громкоговорителем музыка. Как из консервной банки. Видимо, молодоженов придется фотографировать и здесь. Снег с вороньими кляксами, наверное, растает... Что ж, можно будет взять ракурс пониже, присесть, и если невеста будет в пышном платье, то сюжет выйдет неплохим: великий композитор дирижирует ее балом.

Смешно, конечно, будет, если в этот момент вдруг налетят бомбовозы-вороны, тут же подумал он, услышав вороний

галдеж. Повертел головой, увидел небольшую стаю, пролетавшую над крышами. Что ж, пускай жених, коли он платежеспособен, закажет стрелков с пугачами.

Недавно Косточкину попала информация о том, что лондонская туристическая фирма всего лишь за сто пятьдесят тысяч долларов гарантирует свадьбе чистое небо с солнцем — правда, не в самом Лондоне, а во Франции. Наверное, иодид серебра бессилён против лондонского смога.

Отойдя подальше, он сфотографировал Глинку в сюртуке, запачканном воронами, — что-то в этом было.

Щелкнув, Косточкин хохотнул. Просто ему представилась горько-сладкая симфония Эшкрофта и сам певец вместо Михаила Ивановича — в малиновом пиджаке со стоячим воротничком и в такого же цвета брючках, в этом прикиде он снимался в клипе «Rather Be», что можно перевести как «Довольно быть» или «Лучше здесь». То есть быть или не быть? Кстати, несмотря на малиновый костюм, вид у Эшкрофта там вполне себе гамлетовский, он бродит среди сосен, окутанных туманом, то ли на берегу моря, то ли в каком-то замковом парке, с крестиком на груди, раскидывает руки, взывает как будто к небесам. *«Потому что я бы предпочел быть здесь, чем где-нибудь еще. Неужели где-то лучше, чем здесь?»*

И тут же послышались такты симфонии Эшкрофта. Звонила Алиса.

— Привет, Костя! Ты где?

Она звала его так, переиначивая фамилию. Эта кличка еще школьных времен. Но с Алисой он учился вместе не в школе, а в институте, откуда вовремя слинял в армию. Просто она как-то додумалась сама.

— В Смоленске, — ответил Косточкин, озираясь.

— Я так почему-то и подумала, — сказала Алиса хрипловато.

— Что я в Смоленске? — спросил Косточкин без особого удивления; за Алисой это водилось, она многое интуитивно угадывала в поворотах жизни Косточкина.

— Нет. Но что ты где-то не в Москве. Свадьба?

Он объяснил ей.

— Здорово, — откликнулась она. — Сразу врубаешься, что клиент при деньгах. А у меня затык, народ не желает жениться. Или фоткаться. Хотела с тобой пивка глотнуть где-нибудь, поскулить о судьбе. Да, видать, не судьба. — Она сипло рассмеялась.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru